

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ГЛАВНЫЙ УРОК ПОЛОЦКОГО ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО СОБОРА 1839 ГОДА

*Протоиерей Александр Романчук,
(Минск, Беларусь)*

2019 год на канонической территории Белорусской Православной Церкви проходит под знаком воспоминания о Полоцком Соборе 1839 г. Полоцкий объединительный Собор униатского духовенства является поворотным событием в истории белорусского народа в XIX в. Он завершил длившийся 59 лет процесс межконфессионального перераспределения белорусско-украинского населения. По его итогам с Русской Православной Церковью воссоединились 1 600 000 верующих, в том числе по Литовской епархии – 986 249, а по Белорусской епархии – 613 751 человек [1, л. 11–13]. Возвращение униатов к православному вероисповеданию остановило латинизацию церковной жизни белорусов и полонизацию белорусского духовенства, которые вели наш народ к денационализации и историческому небытию. Прекращение действия Брестской церковной унии в белорусско-литовских губерниях устранило национально-культурную псевдоморфозу, подавлявшую естественное развитие белорусского народа, дало мощный толчок всестороннему развитию белорусской культуры, становлению белорусского национального самосознания и, в конечном итоге, послужило возникновению современной белорусской государственности. Значение Полоцкого Собора не только для белорусского, но и для всех восточнославянских народов очень велико. Однако сегодня мне хотелось бы сказать несколько слов не об этом, а выделить главный урок, который можно извлечь из осмысления 243 летнего действия Брестской цер-

ковной унии на белорусских землях и событий ее упразднения, совершившихся в период с 1780 по 1839 г.

Представляется, что наиболее важный в целом и в особенной степени поучительный для нас, живущих в XXI в., урок Полоцкого Собора состоит в следующем. Если обратиться к истории возникновения, развития и прекращения действия Брестской церковной унии на белорусских землях, то бросается в глаза одно обстоятельство, которое циклически воспроизводилось в течение всего периода существования унии. Оно настолько часто повторяется, что невольно закрадывается мысль об его закономерности. Дело в том, что слишком многие шаги государственных и церковных властей, предпринятые либо в отношении униатов извне, либо внутри самого униатского сообщества, имели или непрогнозируемые результаты, или эти результаты были прямо противоположны ожидаемым. В рамках небольшого доклада я приведу только несколько наиболее ярких примеров такого рода.

Король Сигизмунд III Ваза, соглашаясь на введение церковной унии в своем государстве, поддерживая униатскую иерархию и запрещая деятельность Православной Церкви, ожидал укрепления страны через религиозную консолидацию населения. Но итогом его вмешательства в церковную сферу стал раскол общества, религиозное противостояние, сопровождавшееся яростными всплесками фанатизма и чередой кровавых восстаний. Все это критически ослабляло Речь Посполитую стало немаловажным фактором падения этого государства.

Третий униатский митрополит Иосиф Вельяминов-Руцкой – выходец из московского боярства, деятельный и талантливый церковный руководитель, – он практически с нуля создал униатское монашество, взяв за образец орденскую систему католического монашества. Митрополит Иосиф видел в хорошо управляемом, высокообразованном и активном униатском монашестве средство возвышения и

распространения унии в обществе. Однако деятельность базилианского ордена уже в первой половине XVIII в. привела к возникновению противостояния в униатском духовенстве. Во многом именно это противостояние послужило появлению в униатском приходском духовенстве симпатий к православию и движения к возвращению в православное вероисповедание.

Члены Римской курии старались в последней четверти XVIII в. как можно сильнее обособить униатов от православных в пределах России. Для этого в 1787 г. базилианские монахи, пришедшие в унию из римского обряда, а таковые на рубеже XVIII и XIX вв. составляли более 2/3 от всей численности униатского монашества, получили от руководства Римско-Католической Церкви разрешение служить для белорусско-украинских униатов латинскую мессу. Ожидалось, что усиленная латинизация униатского монастырского богослужения распространится по униатским приходам и послужит перерождению простых верующих-униатов в католиков латинского обряда. Однако это действие оскорбило представителей наиболее образованной и энергичной части униатского белого духовенства, заставило их бороться за восточнохристианскую самобытность унии, а в конечном итоге послужило осознанию ими несамостоятельности унии и ее вреда для религиозной жизни народа, его сохранения и развития.

Князь Адам Чарторыйский – близкий друг и советник императора Александра I и, одновременно, патриот Польши, мечтавший о восстановлении польской государственности. Исполняя обязанности попечителя Виленского учебного округа создавая католическую Главную духовную семинарию при Виленском университете, Чарторыйский рассчитывал, что из стен этой богословской школы будут выходить просвещенные католические священники, которые станут поддержкой для польских патриотических кругов в их политической борьбе за возрождение Речи Посполитой. Однако униатское отделение Главной семинарии стало духовной и интеллектуальной колы-

белью для всех тех, кто впоследствии занимался воссоединением униатов с православными. Это послужило поводом для того, чтобы впоследствии называть Виленский университет «рассадником православных архиереев». Архиепископ Антоний (Зубко) так выразился о провале планов князя Адама Чарторыйского превратить Главную семинарию при Виленском университете в оплот не ультрамонтанского католичества и польского патриотизма: «Виленские мудрецы, основавшие Главную семинарию и допустившие воспитываться в ней униатскому духовенству, не ожидали ли результатов противных тому, что оказалось на деле?» [2, с. 72].

Император Павел I, полагал, что униаты, которые не согласились вернуться к православию в последние гг. правления императрицы Екатерины II, навсегда потеряны для православия, видел в них твердых приверженцев католичества. Поэтому он подчинил униатские церковные структуры власти латинской иерархии, возлагая на нее ответственность за сохранение унии, поддержании ее богослужения и церковных традиций. Однако именно это действие послужило обострению взаимоотношений католиков обоих обрядов, поскольку латинское духовенство воспользовалось властью над униатами не для сохранения и возвышения унии, а для ее поглощения римским обрядом и прямой ликвидации посредством массового перевода униатов в костелы. Надо сказать, что на рубеже XVIII и XIX в. более миллиона белорусских и украинских униатов были переведены в костелы и там денационализированы. Фактически, император Павел I, отдавая униатов под власть латинской иерархии, неосознанно толкнул ее к православию, что совершенно нельзя было предусмотреть.

Император Николай I. На унию он смотрел как на фактор, который мешает политическому укоренению российской империи в западных губерниях. Однако он придерживался принципа веротерпимости и был готов поддерживать унию, лишь предложив униатам освободиться от налета полонизма и латинства и вернуться к тому внешнему

состоянию, в котором Киевская митрополия вошла в унию с Римом. С этой целью по его распоряжению в 1827 г. были изданы два указа, направленные на защиту православного населения белорусско-украинских земель от католического прозелитизма, а также на деполонизацию и делатинизацию унии. Однако это законодательное действие совершенно неожиданно для императора Николая I привело к возникновению проекта общего воссоединения униатов с православными, который вышел из среды униатского духовенства. Он согласился на реализацию этого проекта, но, очевидно, в то время так и не осознал весь его масштаб и значение. Об этом свидетельствует 11-летняя история подготовки Полоцкого Собора, избилующая примерами непоследовательности и организационных ошибок со стороны правительственных структур Российской империи, неоднократно ставивших проект общего воссоединения под угрозу полной остановки.

Наконец, прелат Иосиф Семашко, впоследствии митрополит Литовский и Виленский, – к 1827 г. он полностью разочаровался в католичестве в целом, и в унии в частности. Он желал перейти в православие и, отказавшись от наметившейся для него блестящей карьеры в унии, был готов стать рядовым православным монахом. В конце октября 1827 г. во время деловой встречи с директором департамента в главном управлении духовных дел иностранных исповеданий Г. И. Карташевским Семашко позволил себе откровенно озвучить свои мысли о бедственном положении унии в России и ее незаметном поглощении католичеством латинского обряда. Он хотел просто высказаться, не надеясь на какую-либо реакцию со стороны Карташевского. Но неожиданно и неожиданно этот частный разговор стал отправной точкой для упразднения унии в пределах белорусско-украинско-литовских губерний России.

Подобные примеры можно приводить во множестве. Урок, который можно вынести из их рассмотрения, прекрасно выразил уже упоминавшийся здесь архиепископ Антоний (Зубко): «...жизнь народов

в руке Божией... Напрасно общественные деятели приписывают себе славу будто бы произведенных ими важных событий. И против воли людей действия их способствуют предусмотренному Провидением концу» [2, с. 72]. Это не высокопарный пересказ распространенного в народе выражения: «Человек предполагает, а Бог располагает». В словах владыки Антония содержится более глубокий смысл.

Дело в том, что Церковь – это не общественная организация, а Богочеловеческий организм, созданный Самим Богом для превращения людей в граждан Царствия Небесного. Поэтому вторжения в естественную жизнь Церкви, такие как навязывание ей изменений в канонической сфере, литургической области и языке богослужения, а тем более старания изменить конфессиональное лицо какого-либо церковного объединения в исторической перспективе обречены на провал. Иллюзией являются представления о том, что Церковь можно сделать инструментом достижения политических целей, поставить ее на острие нациестроительства, заставить ее служить идеологическим фундаментом какого-либо государства. Церковью управляет Сам Спаситель, Господь наш Иисус Христос, и никто из людей, даже облеченных самой высшей человеческой властью, не может рассчитывать безнаказанно вмешаться в это управление, настроив его на решение своих сиюминутных проблем. Результат такого вмешательства невозможно спрогнозировать, а в большинстве случаев этот результат будет противоположным ожидаемому. История Брестской церковной унии на наших землях и события, связанные с подготовкой Полоцкого Собора 1839 г., демонстрирует это самым убедительным образом.

Литература и источники

1. РГИА. Фонд 797. – Оп. 16. – Д. 38385. О сообщении в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий сведений о числе присоединившихся Униатов в Западных Губерниях.

2. Антоний (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / архиепископ Антоний (Зубко) // Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. – Санкт-Петербург, 1889. – С. 38–76.

**К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СФЕРЕ ВОСПИТАНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX В.**

*Н. Е. Новик
(Минск, Беларусь)*

Православная Церковь Российской империи, являясь государственной религией, оказывала решающее воздействие на развитие общественных процессов, характер образовательной системы и на воспитание учащейся молодежи. Система воспитания в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях была нассквозь проникнута христианским мировоззрением. Во второй половине XIX–начале XX в. оформилась религиозно-православная педагогическая концепция, согласно которой миссия школы – сохранение традиций, религиозных устоев, нравственных норм и лишь затем – обучение [1, с. 28]. Педагоги профессиональных школ Беларуси вносили свой вклад в разработку концепции религиозного воспитания. По мнению директора Несвижской учительской семинарии И. Ф. Николаевского, автора выдержавшего несколько изданий учебника по педагогике для учительских семинарий, цель христианского воспитания ребенка заключалась в реализации его духовного и физического потенциала по достижении зрелого возраста. В духовном отношении он дол-